

Анна Козлова

«Поделки из пластилина, аппликации из бумаги, открытки самодельные...», или Парадигма детских даров

Как известно благодаря столетней истории изучения дарообмена, дар «способствует воспроизводству базовых структур общества, например родственных связей» [Годелье 2007: 178]. В традиционной культуре ритуальный дарообмен между родственниками осуществляется преимущественно в рамках семейных обрядов «перехода» (родинно-крестинном, свадебном, похоронном) и, как отмечает Т.А. Агапкина, часто является «знаком установления определенных отношений между дарителем и реципиентом, в результате чего каждый из партнеров приобретает новую для себя социальную роль, статус» [Агапкина 1999: 17]. Таким образом, закономерно, что ритуальные дары распространяются в первую очередь по свойству, а не по близкому кровному родству (крестные — крестник / родители новорожденного, жених — невеста, невеста — родня жениха, жених — родня невесты и т.д.). Дети же чаще всего оказываются адресатами другой формы дарения, а именно «раздачи подарков» (на Пасху или Рождество), отличающейся от обмена дарами отсутствием обязательного ответного «подарочного» жеста [Агапкина 1999: 16]. Такой «косвенный» (родитель вручает подарок ребенку не прямо в руки, а кладет под елку / на пророшенную зелень и объясняет появление «блага» действием мифологических

Анна Владимировна Козлова
Санкт-Петербургский
государственный университет
yeklopozhka@gmail.com

персонажей) календарный способ организации потока даров широко распространен и в современной культуре.

Система детских образовательных и воспитательных учреждений организует обратный поток даров с помощью обучения детей техникам изготовления рукотворного подарка. Установленными датами одаривания родителей сегодня оказываются три дня годового цикла — Новый год, 8 Марта («мамин день») / День защитника Отечества («папин день»).

Эта статья посвящена современным практикам изготовления самодельного детского подарка для мамы к 8 Марта, прочно вошедшим в образовательно-воспитательную программу детских садов и школ, а также истории процесса формализации и институционализации изготовления детьми рукотворных даров.

Материалом для исследования послужили:

- детские работы и мастер-классы, опубликованные на сайте «Страна мастеров» <<http://stranamasterov.ru/gallery>> (случайной выборкой для анализа были отобраны описания первых 100 изделий, сопровождаемых фото и комментариями пользователей, на запрос «подарок маме» за 2009–2013 гг.);
- анализ методических пособий, программ и учебников (1923–2005);
- результаты 14 интервью, записанных от знакомых (восемь из них — с предоставлением хранящихся дома коллекций артефактов);
- данные интернет-форумов и сайтов, затрагивающих обсуждение детских подарков (около 20 комментариев);
- художественная литература и мемуаристика.

Стереотипное восприятие праздника 8 Марта подразумевает обязательное одаривание родителя. Это нашло отражение в детских стихотворных текстах, посвященных «маминому дню»¹:

Всё хожу, всё думаю, смотрю: / Что ж я завтра маме подарю?
[Благинина 1950: 12].

¹ Например, в хрестоматийном наборе текстов о 8 Марта, включенных в соответствующий раздел сборника «Красный день календаря: стихи и рассказы о советских праздниках» [Красный день 1974], слово «подарок» только в заглавиях встречается четыре раза (О. Карышева «Подарок», Е. Тараховская «Подарок», О. Высоцкая «Гришкины подарки», Л. Воронкова «Дорогой подарок»). Ни в одном из других разделов, включая подборку стихов и рассказов о Новом годе, тема подарка не популярна.

А какой подарок маме / Мы подарим в Женский день? / Есть для этого немало / Фантастических идей [Синявский 2008а: 5].

День просторный, / Не капризный, / День подарочный, / Сюрпризный — / Это мамин день! [Садовский 1982: 4].

В условную классификацию эталонных детских даров можно включить:

- цветы¹;
- подарки-действия (уборка квартиры, хорошее поведение, отличная учеба, словесные поздравления);
- самодельные подарки (рисунки, аппликации и прочие поделки).

Я сосредоточусь на анализе последней группы — поздравления родителя рукотворным даром.

Институционализация детского подарка

Благодаря исследованиям Е.В. Душечкиной известно, что первой распространенной формой детского поздравления близких в дворянской культуре становится декламация стихов (о чем свидетельствуют рассмотренные ею сборники детской поздравительной поэзии, первые издания которых относятся к началу XIX в. [Душечкина 2003]).

Рукотворные подарки приобретают популярность несколько позднее. Окончательно эта форма детского поздравления утверждается к концу XIX в., поскольку именно в это время происходит признание ценности детского творчества, о чем известно из исследования Н.Н. Фоминой: «Понятие “искусство детей” появилось в 80-е годы XIX века. Именно тогда наивное творчество детей, и прежде всего детское рисование, привлекло внимание физиологов, психологов, этнографов, педагогов, а также стало предметом эстетического внимания писателей, художников и искусствоведов» [Фомина 2011: 174].

Самодельные детские подарки хранятся в музеях знаменитых людей той эпохи (например, салфетка, вышитая бисером в подарок С.А. Толстой ее младшим сыном Ванечкой², детские

¹ Обязательным условием этого подарка в детской поэзии оказывается личная причастность дарителя к даримому: цветок должен быть самостоятельно выращен или найден в лесу.

² «На столе лежат тетради, ручки, рисунки, письмо к другу Сереже, вышитая бисером салфетка, подаренная маме на Рождество, а также корректура рассказа “Спасенный такс”, записанного с его слов Софьей Андреевной и опубликованного в детском журнале» (Из электронной версии экскурсии по усадьбе Л.Н. Толстого «Хамовники» [Экскурсия]). Автор салфетки, младший сын Толстых Иван, умер от скарлатины в 1895 г., следовательно, приблизительное время ее изготовления ограничено этой датой.

стихи и рисунки А.А. Блока, адресованные матери); подтверждение принятия формы рукотворного подарка находим в классической художественной литературе:

— Ну, покажи же, Николенька, что у тебя — коробочка или рисование? — сказал мне папа. Делать было нечего: дрожащей рукой подал я измятый роковой сверток; но голос совершенно отказался служить мне, и я молча остановился перед бабушкой. Я не мог прийти в себя от мысли, что вместо ожидаемого рисунка при всех прочтут мои никуда не годные стихи [Толстой 1978: 58].

Аналогичная форма поздравления старшего младшим в XIX в. была распространена и за пределами семейного круга, а именно в образовательной системе. В мемуарной литературе встречается описание еще одной направленности детских даров — от учащегося к учительнице / начальнице:

В институте всегда приходилось готовить большое число вышивок и прошивок для украшения всевозможных юбок, полотенец, накидок. Ковры шли как на подарки, так и на украшение церкви. Редко выпадал месяц в году, когда не требовалось окончить какого-нибудь сюрприза: то наступал день именин начальницы или кого-нибудь из высокопоставленных лиц, то годовые праздники, в которые также подносили подарки. Вследствие этого учительница страшно обременяла работою воспитанниц, имевших неосторожность выказать любовь к рукодельям. Уроки рукоделья происходили раз в неделю, по полтора часа, — этого времени было крайне недостаточно, чтобы покончить со всеми работами. <...> Нередко оказывалось, что и вечеров не хватало на окончание какого-нибудь подарка. Тогда учительница обращалась с просьбой к инспектрисе отпустить к ней воспитанниц даже во время урока. Если сюрприз предназначался высокопоставленному лицу, инспектриса находила невозможным отказать в такой просьбе, и несколько воспитанниц вследствие этого не посещали уроков неделями, а то и месяцами [Водовозова 2005: 305].

Различие в потоках рукотворных изделий, изготовленных в рамках образовательных институций, и их адресатах дореволюционного и советского периода — тема для самостоятельного исследования. Методические письма и рекомендации по проведению праздников в детском саду и школе 1920–1930-х гг. включают обязательный пункт программы — «передача подарков гостям», причем в качестве желаемых потенциальных гостей отмечаются не только (и не столько) родители, сколько приглашенный коллектив какого-нибудь предприятия. В качестве предпочтительной формы поздравления отмечается один общий подарок, изготовленный совместными усилиями детского коллектива (рамка для портрета Ленина, полка для уголка работницы, стенгазеты, плакаты [Игра и труд 1929: 161]).

Работе над такими «полезными» и «политическими» подарками предлагалось отводить цикл трудовых занятий (например, на заготовку материала для вышеупомянутой полки для уголка работниц, ее производство и окраску в группе шестилетних детей отводилось 14 часов [Методические письма 1930: 7]). Такая форма поздравления исчезает вместе с самим школьным предметом трудового обучения после разгрома трудовой школы (1938).

Идея индивидуального самодельного подарка реабилитируется в военные годы. Одновременно с популярностью практики изготовления «полезных» подарков бойцам (сшитых / связанных детьми варежек, кистетов, носков, безрукавок и т.д.) формируется и новый ценностный ореол вокруг производимых детьми «просто красивых вышивок» и рисунков. В «Мурзилке» № 3–4 за 1942 г. напечатано стихотворение Агнии Барто «Рисунок», утверждающее безоговорочную ценность творчества ребенка для его родителя:

*Твой сын прислал тебе в подарок // Два разрисованных листка.
<...> // Ты нежно думаешь о сыне, // Когда уходят танки в бой, //
В тяжелый гул передних линий // Картинку ты берешь с собой* [Барто 1942: 15].

Тема детского рисунка как субститута ребенка (и шире — дома) на фронте становится топосом военной литературы:

Хранятся у бойца в подсумке, // В подсумке воина-отца, // Простые детские рисунки, // Два-три ребячьих письмеца. // Там нарисовано сражение // И рожи в пушечной пальбе, // Как детское воображение // Войну представило себе [Колычев 1951: 31].

На поле боя рядом убитый румын и наш. У румына лист бумаги и детский рисунок: зайчик и пароход [Гроссман 1966: 170].

В послевоенные годы существовавшая прежде спонтанная практика изготовления подарков родителям стандартизируется институтами детского образования и начинает регулироваться их учебными планами. Приведенные выше примеры объясняют происхождение прочно вошедшей в сегодняшнюю повседневность формы детского поздравления пап с Днем Советской армии / защитника Отечества (которая, заметим, утвердилась школьной программой гораздо раньше симметричной формы поздравления мам¹). Можно полагать, что семантика военного детского рисунка повлияла и на становление формы 8-мартовского поздравления. Например, в авто-

¹ Тема «Красная армия» появляется в учебном плане по рисованию в 1943 г. [Программы 1943: 116], в то время как 8 Марта как специальная тема не входит в официальные программы по труду и рисованию до 1964 г. [Программа 1964: 77].

биографическом интервью с художником Ю. Копейкой встречаем следующее доказательство:

У меня сохранилась открытка с таким текстом: «Дорогая мама, поздравляю тебя с 8 Марта! Смерть немецким оккупантам!» И нарисован воздушный бой [Копейка 1994: 61].

Рисунки детей в адрес родителей оказываются одним из способов реализации кампании по укреплению связей детских воспитательных учреждений и семьи, начавшейся еще в середине 1930-х гг.¹ В 1939 г. в одном из отчетов воспитателей встречаем такое замечание:

По связи с семьей проделала следующее: посетила 0 семей детей, 13 консультаций — больше по вопросам правильной одежды. В День 8 Марта послала мамам красивые рисунки детей как поздравление с праздником [Ковалевская, Белозерова 1939: 41].

В послевоенном педагогическом дискурсе детский самодельный подарок начинает интерпретироваться как способ выражения и предъявления детской любви. В издании «Руководства для воспитателей детского сада» 1945 г. родители упоминаются в качестве потенциальных адресатов детского дара: «Дети готовят подарки для младших, для родителей, воспитателей. Они привыкают к заботе о ближних» [Радина 1945: 12]. Это замечание относится ко всем «общенародным» праздникам, которые предлагается отмечать в детском саду (в середине 1940-х методисты причисляют к ним только День Красной армии, 1 Мая и День Октябрьской революции [Сакулина 1945: 42; Михайлова 1947: 28 и др.]), чуть позже правило дарения детского подарка маме закрепляется за 8 Марта, а папе — за 23 Февраля.

Образцовые самодельные подарки маме узакониваются и массовой полиграфической печатью, что находит отражение в истории 8-мартовской открытки. На самой первой почтовой поздравительной карточке с 8 Марта (1950 г.) в одну восьмую листа (тир. 5000 экз.) изображена девочка дошкольного возраста с флажком и букетом цветов. На немногочисленных открытках начала 1950-х гг. возникает изображение самодельного детского подарка (илл. 1, 2). Центральными персонажами открыток последующих десятилетий также часто оказываются дети: отправляющие телеграмму, дарящие цветы, рисующие, вышивающие, предъявляющие тетради с пятерками или аккуратно и безошибочно написанными поздравлениями, приготавливающие праздничный пирог или, наконец, просто улыбающиеся на фоне отрывного календаря.

¹ Эта тема неоднократно поднимается в журнале «Дошкольное воспитание» ([Руководство 1938; Лапшина 1936; Брахман 1939] и др.).

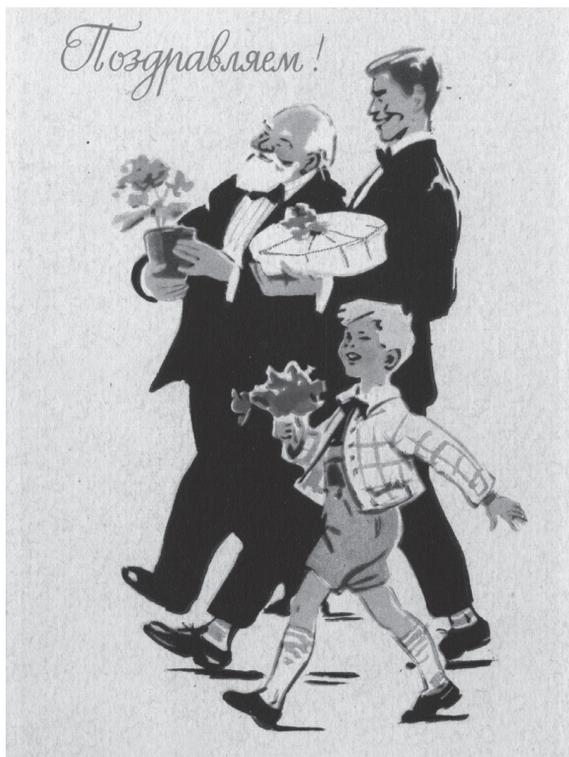
Илл. 1. Почтовая карточка
«С 8 Марта».
Ленинград, 1954.
Тираж 10 000 экз.

Илл. 2. Почтовая карточка
«С 8 Марта».
Ленинград, 1954.
Тираж 10 000 экз.

Если основываться на данных коллекции поздравительных открыток «С 8 Марта», хранящейся в отделе эстампов Российской национальной библиотеки, наиболее каноническим вариантом изображения детского дара на открытках в 1950–1980 гг. являются цветы (чаще всего найденные в еще зимнем лесу или выращенные самостоятельно — 45 ед.хр.). Чуть менее распространенными способами визуального воплощения детского поздравления являются рисунок (28 ед.хр.) и вышивка (19 ед.хр.), реже художники обращаются к иллюстрации отличной учебы (18 ед.хр.) и помощи по хозяйству мамам и бабушкам (12 ед.хр.). В начале 1970-х появляются открытки с изображением детей, дающих в честь 8 Марта праздничный концерт (7 ед.хр.).

Тема детского подарка в истории советских открыток с 8 Марта оказывается самым устойчивым сюжетом в 1950–1960-е гг. Для сравнения отметим, что мужчины-дарители впервые появляются на открытках в 1960 г., а в 1960–1980-х гг. они представлены всего на 10 поздравительных карточках (изначально в рамках семейной тематики: сын, муж и отец преподносят хозяйке «большухе» свои дары, илл. 3). Привычная цветочная тема

Илл. 3. Почтовая карточка «Поздравляем!». Таллин, 1960.
Тираж 25 000 экз.

начинает доминировать над изображением детей в иконографии 8-мартовской открытки лишь в 1961 г., тем не менее сюжет детского подарка полностью не вытесняется и устойчиво воспроизводится массовой полиграфической печатью на протяжении полувека.

Вот, пожалуй, самые важные этапы вековой истории детского «вертикального» дара.

Прагматика детского подарка в образовательной системе

Становясь частью воспитательной и учебной программы, детский самодельный подарок приобретает новую функциональность и прагматику. Золотое правило детского успешного подарка, пропагандируемое через учебные тексты, заключается в минимализации его объективной товарной стоимости и высоким коэффициенте усилий, затраченных на изготовление. Приведу текст упражнения по русскому языку, смысл которого утверждает этот «скрытый учебный план»¹:

Твоей маме приятно получить от тебя не купленные на ее же деньги цветы или конфеты, а выполненную твоими руками рамку или полочку, сделанную тобой шкатулку, нарисованную тобой картинку, вышитую тобой салфетку.

Как бы скромн ни был твой подарок, он доставит много радости, если ты готовил его с любовью и своими руками [Русский язык 1990: 156].

Образовательная система использует утверждение ценности объекта-подарка, «сделанного с любовью», в качестве воспитательной мотивации к рукоделию и сглаживания эффекта возможных неудач на начальном этапе обучения технике:

Мама знала, что Зоя плохо умела клеить, вырезать, шить, пришивать пуговицы и держать в руках ножницы. Она догадалась, конечно, как трудно было Зое сделать корзиночку. Поэтому мама была особенно довольна. Тогда Зоя была уверена, что ей просто очень понравилась корзиночка, плетенная из бумажных полосок, чуть кривобокая, зелененькая [Георгиевская 1957: 294].

Воспитательная методика актуализирует семантику дара между кровными родственниками, который М. Годелье характеризует как «индивидуальный, спонтанный, субъективный, альтруистичный, не подчиняющийся никакому коллективному обязательству, никакому объективному социальному принуж-

¹ Использую этот термин вслед за С. Баулсом и Г. Гинтисом в значении «ценностные ориентиры, которые официальная педагогика и система образования стремилась привить детям». Цит. по: [Илюха, Шикалов 2011: 81].

дению» [Годелье 2007: 176–177]. Именно таким детский самостоятельно изготовленный подарок и представляется большинству родителей: «Для меня самые дорогие в мире подарки, они мне дороже, чем золото и бриллианты. Ведь ребенок их делает по-настоящему искренне и от чистого сердца, ничего не требуя взамен»¹. Затраченные в процессе изготовления силы прочитываются как форма проявления «искренней» детской любви.

Между тем очень сложно согласиться хотя бы с одной из характеристик Годелье применительно к объекту, изготовление которого воспроизводит схемы, разработанные методистами и предлагаемые воспитателями / учителями в качестве образца, которому ребенок должен следовать:

А вот Миха[и]л Никола[ев]ич [учитель] у нас, с этой шкатулочкой... я ее просто ненавидела, ненавидела. Он велел нам собрать открыточки, их них мы вырезали элементы этой шкатулочки, она была такой очень сложной формы, у нее крышка была какая-то, с такими вычурными штуковинами <...> Мы ее начали, еще, наверно, до Нового года делать, чтобы к 8 Марта успеть. <...> Я ее и дарить не хотела, но вроде 8 Марта — как без подарка-то, и подарила. Но потом, по-моему, я ее тайком от мамы выкинула, во всяком случае, не помню, чтобы она у нас была [КРП, Йошкар-Ола].

Ряд предметов, которые предлагалось изготавливать детям в качестве подарка в программах советского периода, часто являлись закономерным результатом конкретной осваиваемой техники. Примером такого подарка для учеников начальной школы может послужить вышитая салфетка / носовой платок: школьные программы (с 1957/1958 по 1973/1974 гг. переиздаются практически без изменений) включают обязательный раздел — «работа с тканью», который приходится на третью учебную четверть. Работа с салфеткой / носовым платком оказывается обязательной на протяжении всего начального трудового обучения, технология ее обработки определяется возрастом: для первого класса это «подрубание носового платка», для второго — «подрубание носового платка, салфеток», для третьего — «вышивание метки на полотенце, салфетке и пр.» и лишь для четвертого — «вышивание украшающими швами полотенца, салфетки, наволочки и других изделий домашнего обихода» [Программа 1957]. Освоенность и широкое распространение этой практики подтверждается в интервью:

¹ Автор Irinka77 в теме «Вопрос к мамам. Вы храните подарки, которые дарят Вам дети?» на сайте «Большой вопрос» [Электронный ресурс]. <<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/94018-vopros-k-mamam-vy-hranite-podarki-kotorye-vam-darjat-deti.html>> (дата обращения 2.01.2013).

— А что-нибудь не вспомните из ваших подарков маме?

— Ну, платки вышивали — это уж всегда. Я дарила тоже, помню — это уж, конечно, дарила. У меня он какой-то оранжевый был, там по краям синие и красные цветочки, ну, такие, значит, наподобие тюльпанов. Он долго у мамы хранился, потом уже, Борька, когда [сын информантки] маленький был, он там, в середине, маленькую дырочку вырезал, ну, играл, наверное, и после этого я что-то не припомню, куда он делся [КНА, Йошкар-Ола].

К этому же типу подарков относится и несколько раз встретившееся мне изготовление фартука в подарок маме учениками пятого класса, также входящее в классическое число навыков, которыми должен овладеть пятиклассник во втором учебном полугодии:

Учащиеся пятого класса шили в мастерской фартуки для своих матерей. По окончании работы они написали сочинение на тему «Мой подарок маме» [Глебова 1964: 22].

Такие подарки эквивалентны другому активно пропагандируемому дару — хорошей учебе (иными словами, это демонстрация успешного результата длительного учебного процесса, в данном случае — по труду и рисованию). Объявить фартук и носовой платок подарком для мамы или необходимой вещью для самого ребенка-школьника (вложив в это дополнительный педагогический смысл привития ребенку навыков самообслуживания¹) — решение конкретного педагога.

В программы начального обучения по изобразительному искусству в 1950 г. включен и другой традиционный детский дар — открытка [Изобразительное искусство 1950]. Это образец другого типа подарков: изготовление ее, как правило, не требует много времени (на работу с открыткой отводится один урок) и возможно только накануне праздника. Конечно, открытка тоже может являться частью учебного курса. Например, в программах 1970–1980-х гг. ее производство определяется отрабатываемой в течение нескольких предшествующих занятий техникой «декоративного рисования» [Программы 1972: 77; Изобразительное искусство 1975: 74; Шпикалова 1984: 122]. Но чаще всего открытки предлагается делать вне отработки какой-либо техники. Например, на это отводится один из тематических уроков «Наши праздники» [Программы 1954: 150]. Опыт информантов показывает, что в подобных случаях пре-

¹ Например, носовой платок и салфетка могут быть окружены в программе изделиями с яркой семантикой вещей, нужных и полезных ребенку-школьнику: «Виды работ и примерные изделия: пришивание крючка вешалки, пуговицы, шитье мешочка для завтрака, мешочка для калош из подготовленного учителем материала, подрубание носового платка, салфеток, кройка (по трафарету) и шитье нарукавников и т. п.» [Программа 1957: 161].

подаватели могут выбирать очень простые техники, возможно, с целью избежать неудачных работ:

Ну, в школе мне было просто неинтересно — лежат на партах конвертики, в них какие-нибудь нарезанные цветочки-лепесточки и кусочек картона — собрал (наверное, это еще как-нибудь громко называлось «ребята составляют композицию»), на клей-карандаш приклеил — молодец, пять. Я все это быстренько делала, мне просто было скучно [СНС, Санкт-Петербург].

Приобщение детей к такому ритуализованному способу поздравления может осуществляться в самом раннем возрасте, настолько раннем, что часть навыков, необходимых для выполнения работы, оказывается ребенку недоступной и его самостоятельное участие в «творческом» процессе сведено к минимуму:

Нам раздали заготовки: тряпочки и вату для головы, пуговицы для лица, нитки для волос. И задача-то наша была только в том, чтобы пришить пуговицы и набить голову ватой, все остальное делали воспитательницы. Я потом с этой куклой к маме вышла, и она на меня с таким восхищением смотрит: «Это ты сама, Людочка, все так аккуратно сделала?» И почему-то я соврала, что да, сама все делала, и даже тряпочку для головы сама сшивала [ЧЛВ, Йошкар-Ола].

Такую веточку Танюша (2 г. 10 мес.) сделала в садике для меня и подарила на утреннике. Рисунок воспитателя, шарики катала и клеила доча. Было очень приятно¹.

Самоделка — это значит сам сделал. Но не только сам сделал, а и вложил свое творчество, изобразительность. Правда, последнее условие несколько сложно для детей дошкольного возраста, поэтому, может быть, следует предложить им готовые образцы [Гусакова 1982: 24].

В силу возраста и непрофессионализма авторам рукотворных даров иногда невозможно произвести вещь, обладающую художественной или материальной ценностью, но в большинстве случаев традиция этого и не требует:

А потом сломался синий, // И оранжевый сломала... // Все равно портрет красивый, // Потому что это — мама! [Синявский 2008б: 6].

На примере открытки и салфетки / фартука можно наблюдать два разных способа изготовления подарков и, следовательно, два типа детских подарков: первый демонстрирует результат трудового процесса, второй — его имитацию. Я не утверждаю,

¹ Автор Петунья в публикации «Подарок маме» на сайте «Страна мастеров» [Электронный ресурс]. <<http://stranamasterov.ru/node/58126>> (дата обращения 25. 03. 2013).

что именно эти изделия верно иллюстрируют предложенное разделение, о каждом конкретном референте фартука и открытки можно судить, только узнав историю его изготовления. Современные учебники, пособия для учителей и интервью позволяют говорить о том, что большая часть сегодняшних методик работы с любыми изделиями направлена на уменьшение трудовых усилий, упрощение техники и в то же время на достижение эффектного результата. Одна из моих информантов, работающая врачом в коррекционном детском саду Петербурга, поделилась наблюдением подобного противоречия:

Они сейчас такие красивые подарки делают, серьезно красивые, приятные такие, я бы сама такую маме сделала! А главное, там же почти делать нечего! Там им давали открытки, ну, макеты открыток, как-то они там эту вату лепили, и контуры прочерчены, куда ее лепить надо, там уже не ошибешься как бы. А потом блестками посыпали уже на клеящийся слой. Это очень красиво! Мне бы такое подарить было не стыдно, правда, и если бы мне подарили, я бы не отказалась [ГАА, Санкт-Петербург].

Современные техники изготовления остаются лишь условным знаком идеи труда и старания, в то время как их смысл сосредоточен на создании внешней формы, способной оказывать сильное впечатление на родителей в силу механически достигаемого приближения к безупречному результату. Впрочем, если обратиться и к первоначальной форме бумажной поделки, адресованной родителю, то и она окажется формальным и значительно более простым в техническом отношении заменителем предшествующей ей практики изготовления реальных функциональных предметов — «полезных трудовых подарков», о которых речь шла выше. Сравним также труд, затрачиваемый на изготовление бумажной поделки, с альтернативной (также конвенциональной и предписанной) практикой поздравления мамы в форме самостоятельно сделанной домашней уборки (подарка-действия), которую с куда большей вероятностью можно принять за ритуализованную форму приобщения ребенка к большому семейному труду. Получается, что рассматриваемые объекты являются по(д)делками, не результатом труда, а его ложным подобием, иначе — «симулякрами»¹. Технически совершенствуясь, они теряют реальную природу и первоначально заложенный в них смысл. О ложной природе описываемых объектов можно судить и по их дальнейшему нефункциональному существованию, которому будет уделено внимание далее.

¹ Термин «симулякр» используется здесь в значении «ложное подобие, условный знак чего-либо, функционирующий в обществе как его заместитель» [Зенкин 2001: 5].

Устойчивые формы, материал и (не)функциональность поделки

Сопоставление реестра подарков, предлагаемых учебно-методической литературой на протяжении более 30 лет (1973–2005), и сегодняшней практики¹ позволяет выявить набор традиционных форм поздравления мамы. Среди них оказываются открытки и бумажные цветы, игольницы, реликварии (шкатулки и другие вместилища для хранения мелочей), мамин портрет, аксессуары (бусы, серьги, веера), предметы для кухни (разделочные доски, грелки на чайник и прихватки).

Наиболее популярными материалами для изготовления детских подарков (на основании анализа данных галереи детских изделий «Страны мастеров» <<http://stranamasterov.ru/gallery>>) оказываются:

- бумага и картон (с использованием таких техник, как аппликация, оригами и вырезание, рисование — 53 %);
- ткань (шитье и вышивание, роспись по ткани — 13 %);
- пластилин и соленое тесто (13 %).

Заметим, что изделия, выполненные ребенком с использованием таких материалов и техник, оказываются хрупкими и недолговечными, а следовательно, не рассчитанными на длительное хранение:

Это была такая идиотская конструкция! В общем, там был камень, три желудя и как бы ракушки. И вот все это было слеплено между собой пластилином. Вот. И мама это, естественно, хранила до того, как мне было лет 14, когда я в это во все вляпалась, потому что пластилин, он, естественно, растаял, я очень долго ругалась на это все, хотела выбросить, мама сказала: «Нет, ты что, это моя память!» И до сих пор это хранится где-то [КНА, Санкт-Петербург].

[Один из ответов на вопрос: «А вы тоже считаете поделки своих детей “лишним мусором”???»]: *да, считаю мусором (аппликации, оригами, ежики сшитые и прочая хрупкая лабуда). Но мусор этот нельзя выкинуть еще лет 5–6, пока самому ребенку он станет безразличен².*

Самой популярной техникой изготовления подарков является аппликация, а самым распространенным видом подарка — открытка, следовательно, большинство создаваемых на школь-

¹ О состоянии современной практики изготовления детских подарков можно судить на основании данных интернет-сайта «Страна мастеров» <<http://stranamasterov.ru/gallery>>. Это платформа, на которой обмениваются мастер-классами и результатами творчества любители ручного труда.

² Автор Nen* на сайте Ответы@mail.ru [Электронный ресурс]. <<http://otvet.mail.ru/question/68498247>> (дата обращения 15.05.2013).

ном конвейере подарков близким являются материальными объектами, не имеющими никакого практического назначения.

Однако данные «эталонной» учебно-методической литературы в этом отношении расходятся с реальной практикой: здесь самым популярным подарком оказывается функциональная игольница (в публикациях предпраздничных рекомендаций для педагогов она упоминается 22 раза, в то время как в галерее «Страны мастеров» встретилось всего девять отчетов об изготовлении игольниц). В методической литературе утверждается, что «детям важно знать, что самоделка будет иметь какое-то практическое применение, тогда в сознании ребенка утвердится мысль о важности и необходимости его труда» [Гусакова 1982: 24].

Игольница, пожалуй, один из немногих объектов детского труда, наделенный практической функциональностью:

Я ему подарила игольницу, и он до сих пор ей пользуется. Игольницу — это в те времена было модно. Мы делали ее в школе. Папа еще до сих пор, говорит, ею пользуется. Вот. <...> [А ты подарила игольницу папе на 23 февраля?] Вот это вот знаешь... На 8 Марта... Просто папа это сразу очень оценил! Ну, в смысле, понял, что это нужная вещь! Потому что она была удобная. С крючочком. Ну, вот петелькой была сверху сделана [КРП, Йошкар-Ола].

Многие дары, более популярные в методической литературе, чем в реальной практике (встречаются в учебных пособиях в 4–5 раз чаще, чем в свидетельствах о современной практической реализации), создаются как полезные и функциональные: украшения и вместилища для них (коробочки и шкатулки), кухонная утварь (грелка на чайник, прихватки, разделочные доски). Однако родители редко используют дар по назначению, причиной тому может быть некачественность и / или стремление сохранить дар:

Я помню, что на 8 Марта делали блокнот в виде утки, вот такой вот: [показывает на пальцах] слепленные друг с другом листы — получалась огромная утка. Ее презентовали! [смеется] И я помню, что я маленькая залезла к маме в ящик, и увидела, что она в этом блокноте... Ну, как бы, говорили, что она типа там писать будет, ну, мама, а я увидела, что мама там ничего не пишет! Мне стало так обидно! Утка пустая! Вот эта вот, я так перелистала... Больше не буду ничего делать! [БКС, г. Волгоград].

У меня в ванной вешалка для полотенец висит (сын делал) и еще прихватки. Не пользуюсь ими. Для красоты висят¹.

¹ Автор Marta на сайте Ответы@mail.ru [Электронный ресурс]. <<http://otvet.mail.ru/question/81308777>> (дата обращения 15. 06. 2013).

Хранение детских подарков

С детскими дарами принято поступать двояко: сохранять в течение длительного времени или же выбрасывать. Последнее встречается не так часто: среди опрошенных информантов лишь двое из четырнадцати заметили, что большинство их творений по умолчанию исчезало при генеральных уборках и переездах:

Ну, из пластилина, они там исчезали, видимо, при каких-то там, не знаю, уборках, выбрасывались. Этот самый тоже долго протянул, бегемотик, но потом тоже куда-то сгинул [ПАА, Санкт-Петербург].

Вот это я не помню, вот это я не различаю, то есть, если бы у меня сохранились какие-нибудь вещи, я бы вспомнила. А мы два раза переезжали, и, видимо, это где-нибудь, может, у бабушки валяется... [ГАА, Пестово].

Еще реже встречается демонстративное отрицание ценности детского дара:

Он [папа] подвел меня к полке в их комнате, достал оттуда коробку и высыпал из нее все мои поделки. Со словами, что это на фиг никому не надо, и сколько можно всякую ерунду делать и что-то еще в том же духе¹.

Я <...> крикнула: выкинь подсвечник, не надо дома мусор! Ну она положила на бордюр, и мы пошли домой. Звонит телефон... и мама одноклассника говорит: мы нашли подписанный подсвечник вашей дочки. Вы можете прийти к нам домой и забрать! Я говорю — он нам не нужен, выкиньте. Она: ну как же, ребенок расстроится ваш. Давайте встретимся? Она говорит: выкидывать не буду, вдруг передумаете. Я говорю: точно не передумаю².

Возмущенное и негативное восприятие описанных поступков участниками интернет-беседы и единичность встретившихся отрицательных суждений заставляет полагать, что подобное отношение к детскому подарку воспринимается как отступление от нормы, и преподносимый ребенком материальный объект заранее наделен коннотациями ценности (не «объективной», а «знаемой») [Роджерс, Фрейберг 2002: 385].

Большинство перечисленных артефактов скорее воспринимаются участниками дарообмена сродни «маргинальным» (т.е. нефункциональным, в терминах Ж. Бодрийяра [Бодрийяр

¹ Автор Юлечка в теме «Самодельные подарки» на сайте «Форум сайта Няня» [Электронный ресурс]. <<http://forum.nanya.ru/topic/37069-samodelnye-podarki/>> (дата обращения 1.01. 2013).

² Автор 3_3 на сайте Ответы@mail.ru [Электронный ресурс]. <<http://otvet.mail.ru/question/68497889>> (дата обращения 28.05.2013).

2001: 79]) вещам, типологически схожим со старинными. Они точно так же ориентированы на сохранение, а их единственной функцией является бытийность во времени. Ж. Бодрийяр характеризует эти вещи следующим образом: «Они как будто противоречат требованиям функциональной исчислимости, соответствия желаниям иного порядка — выражать в себе свидетельство, память, ностальгию, бегство от действительности» [Бодрийяр 2001: 83]. Однако здесь мы сталкиваемся с существенным семантическим отличием: по наблюдениям Ж. Бодрийяра, старинные вещи ориентированы на «психологическую защиту предков», во время как детские дары — на «потомков».

Мотивацией для бережного сохранения часто выступает желание предъявить ребенку его детские подарки во взрослом возрасте, т.е. вернуть их. Таким образом реализуется основное свойство акта дарения: «Будучи подаренной, вещь несет в себе что-то от людей и “стремится” рано или поздно вернуться к тому, кто первым уступил ее» [Годелье 2007: 29].

Обязательно храню, так же, как и мама моя мои хранила. Все рисунки, все поделки, открытки, вплоть до того, что когда он начал говорить, я все слова записывала в маленькую тетраточку с «расшифровкой» значений)) Показываю сыну, которому уже 20 лет, смеемся вместе¹.

Любопытно отметить, что семантический ореол детского подарка зависит от места его сохранения, благодаря которому детские «симулякры» мимикрируют и встраиваются в парадигмы вещей.

Если дар попадает в детский альбом или специально созданные для хранения «детские архивы» (папки / коробки), он функционально отождествляется с фотографией, т.е. выполняет документальную и мнемическую функции. Такое восприятие характеризуется тем, что в момент дарения самодельная вещь не представляется родителю-получателю ценной, но со временем она способна стать свидетельством прошлого и вмес- тилищем памяти:

А какие-то мои рисунки, вот, у меня точно вклеены в детском альбоме. То есть, там, который мама заполняла, куда она вписывала там, какие перлы я выдавала, в какие глупые ситуации я попадала, и там есть два рисунка... В общем, однажды, я помню, я нарисовала, у нас было задание нарисовать медведя, ну, я нарисовала, но я рисовала всегда не очень хорошо, и, ну, по-моему, в садике это было, мне в садике сказали: «Ну... Ну, нарисовала и на-

¹ Автор Каролина в теме «Вопрос к мамам. Вы храните подарки, которые дарят Вам дети?» на сайте «Большой вопрос» [Электронный ресурс]. <<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/94018-vopros-k-mamam-vy-hranite-podarki-kotorye-vam-darjat-deti.html>> (дата обращения 2.01.2013).

рисовала». А я принесла его маме, и мама сказала: «Ой, какой хорошенький медвежонок, какой замечательный медвежонок», вклеила его в этот альбом, и что-то написала там, ну, типа подпись была «Лена рисует» и сколько лет [ВЕВ, Нижний Тагил].

Я представляю такой образ человека, чтобы в старости можно было это всё взять и посмотреть и умилиться. То есть именно для этого и... У него такая папка, куда я всё это складываю, там грамоты, во-первых, потом вот эти поделки, и где он там писал буквы различные, ну, вот отдельный листочек, где его там типа творчество [ГАА, Пестово].

Довольно часто детский дар выставляется на видное место, тем самым ему присваивается статус «произведения искусства».

У папы висит на стене, вот прямо перед дверями в коридоре, заходишь как — моя огромная аппликация — бык, у которого шея, как у жирафа, там какое-то психоделическое синее солнце, копыта у быка такие, ну, там бык, он с ноздрями, у него колокольчик на шее, вот, и вот это вот висит там! И написано внизу, вот так, в кулаке зажатым карандашом: «ПО-ЛЯ», вот так вот! 4 года [ТПС, Екатеринбург].

Да, у нас над столом на кухне висит рисунок, который брат папе нарисовал, другой брат нарисовал маме цветочки, какие-то там не аппликации, но что-то вроде того сделал. Еще что-то там, рисунок какой-то висит... Но им, они бородатые вообще, они действительно бородатые, потому что там папа с бородой, но они еще и бородатые, потому что лет им очень много, если учесть, что Леше 30, а он их рисовал, не знаю, лет в шесть [ГАА, Санкт-Петербург] (илл. 4).

Илл. 4. Портрет папы (подарок на День рождения, 29.10.1992) и открытка маме (подарок на 8 Марта, 1990-е гг.) в интерьере кухни.
Фото А.А. Гинзбург, 2013

Противоположным публичной презентации способом сохранения подарка ребенка является его попадание в личное пространство родителя. Такой вариант хранения подразумевает приобретение им семантики «неотчуждаемой» ценности:

А у меня папа хранил все это у себя на самой главной полочке в шкафу, с одеколонами, деньгами и всякими личными вещами. Я прямо как-то увидела и растрогалась, и страшно удивилась [КАА, Йошкар-Ола].

Но какие-то у мамы лежат в тумбочке, где она спит. Лежат в тумбочке, там папочка, но там самые красивые, ну, реально, самые красивые. Самые уродские лежали у меня в столе всю жизнь, ну, и вот недавно я сама их выкинула [ТПС, Екатеринбург].

Окказионально подаренный ребенком предмет может попасть в сокровенное пространство красного угла.

А вот второй дедушка был просто в шоке))) Поставил в красный угол и сказал, что это самый лучший подарок¹.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного: традиционное вещественное наполнение красного угла допускает наличие кластера предметов, маркирующих родственные отношения, и детский подарок в него органично вписывается. Факт хранения в красном углу ценных вещей, в том числе и фотографий умерших родственников, отмечен в монографии А.К. Байбурина [Байбурин 2005: 176]. А.Б. Мороз, рассматривая предметы, попадавшие в пространство красного угла в постсоветскую эпоху, приводит факты хранения там вещей, функционально очень близких к детскому подарку: «К ним [к фотографиям родственников. — А.К.] часто помещаются предметы из той же сферы родственных отношений: поздравительные открытки, детские игрушки <...> — все это кладется и возле икон» [Мороз 2013: 119]. В этом факте находит подтверждение высказанная выше гипотеза о переориентации с ценности прошлого на ценность будущего, от почитания предков к почитанию потомков, или, в терминах М. Мид — переход от постфигуративной культуры прошлого к префигуративной культуре будущего [Мид 1988: 322].

Если подарок попадает на антресоли, чердак или отправки на дачу, он становится эквивалентным старой вещи — предмету, который сложно выкинуть, поскольку он «выражает в себе свидетельство, память, ностальгию» [Бодрийяр 2001: 82]. Тем

¹ Автор Голди в публикации «Открытки папам и дедушкам» на сайте «Страна мастеров» [Электронный ресурс]. <<http://stranamasterov.ru/node/53653?page=7&c=>> (дата обращения 24.03.2013).

не менее ценность самого предмета в этом случае значительно ниже, чем в первой обозначенной ситуации хранения, его именно «нельзя выкинуть», а не «нужно сохранить».

Вот ведь была корзиночка, точно помню, что была! А куда же ее потом... Не иначе как вместе с детскими книжками, рисунками, раскрасками отвезли в огород [КРП, Йошкар-Ола].

Осталось только то, что лежало в совсем недоступных местах, то есть вот эти вот глиняные штучки, ну, их просто было не выкинуть, я не знала, где они стоят, и рисунки, потому что они вообще случайно нашлись, они были на антресолях [ПАА, Санкт-Петербург].

Итак, с середины прошлого столетия ритуальное одаривание родителей детьми осуществляется через государственные образовательные учреждения (детский сад, школа, студии дополнительного развития). Преследуя цели мотивации ребенка к рукоделию, образовательная система приписывает рукотворному объекту семантику подарка, адресованного родителю. Такой самодельный подарок рассчитан на то, чтобы подчеркнуть особую важность отношений матери и ребенка и «наполнить их эмоциональным содержанием» [Казакова 1985: 53], ибо «связь посредством вещей — это связь душ, так как вещь сама обладает душой, происходит от души» [Мосс 1996: 100]. Между тем не все родители солидаризируются с этим предписанием.

Организованная образовательной системой практика изготовления детских самодельных даров становится частью системы государственной¹. В переломные моменты эпохи происходит перемена адресатов детских даров: начальницы — рабочие — родители. Это соотносится с официальной идеологией и сопровождается переменой материального выражения подарка (тканевые изделия (дореволюционный период) — деревянные (формирование СССР) — бумажные / тканевые / пластилиновые (1950-е — настоящее время)). Оставаясь символической репрезентацией старания и труда, подарок не всегда требует применения самостоятельных усилий изготовителя. Широкое распространение материалов, не рассчитанных ни на практическое применение (в силу непрочности), ни на длительное хранение (в силу недолговечности), может обнаруживать их ложную природу объектов-«симулякров». В контекстах существования и сохранения таких детских подарков прослеживается их встраивание в функциональную систему материально-го мира родителя.

¹ Впрочем, это проговаривается и в официальной печати: «Наше государство, наша партия воспитывает в советских гражданах чувство уважения к женщине. Трехлетний ребенок уже несет матери в день восьмого марта неумелую вышивку или трогательный детский рисунок» [Долинина 1958: 91].

Библиография

- Агапкина Т.А.* Дар, дарить // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2 / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. С. 16–21.
- Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Барто А.Л.* Рисунок // Мурзилка. 1942. № 3–4. С. 15.
- Благинина Е.А.* Мамин день // Благинина Е.А. Огонек. М.: Детгиз, 1950. С. 12.
- Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 2001.
- Брахман Р.* Работа воспитателя детского сада с родителями // Дошкольное воспитание. 1939. № 1. С. 55–58.
- Водовозова Е.Н.* На заре жизни // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост. В.М. Бокова, Л.Г. Сахарова. М.: НЛО, 2005. С. 215–389.
- Георгиевская С.М.* Отрочество // Георгиевская С.М. Три повести. М.: Советский писатель, 1957. С. 79–429.
- Глебова М.И.* Обучение глухих школьников русскому языку в V–VII классах. М.: Просвещение, 1964.
- Годелье М.* Загадка дара. М.: Восточная литература, 2007.
- Гроссман В.С.* Из записных книжек военных лет 1941–1942 гг. // Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. М.: АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького, 1966. Т. 78. Ч. 2. С. 158–179.
- Гусакова М.* Самodelки для мам // Дошкольное воспитание. 1982. № 3. С. 24–25.
- Долнина Н.* О плащах, шпагах и женской гордости // Юность. 1958. № 5. С. 91–94.
- Душечкина Е.В.* Сборники детских поздравительных стихов XIX века // Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства. Сб. ст. / Сост. Е. Кулешов, И. Антипова. М.: ОГИ, 2003. С. 17–28.
- Зенкин С.Н.* О первой книге Жана Бодрийяра // Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001.
- Игра и труд в дошкольном возрасте. Педагогический сборник / Под ред. С.С. Моложавого. М.; Л.: Государственное издательство, 5-я тип. «Транспечать» НКПС «Пролетарское слово» в Москве, 1929.
- Изобразительное искусство // Программы начальной школы. М.; Л.: Учпедгиз, 1950.
- Изобразительное искусство в школе: рисование, декоративная работа, графика / Авт. В.Н. Ветров, В.В. Колокольников, Н.А. Кржиновская и др.; под ред. В.В. Колокольникова. М.: Педагогика, 1975.
- Илюха О.П., Шикалов Ю.Г.* Ребенок, семья, родина в финноязычных учебниках для начальной школы Карелии: 1920–1940-е годы // «Букварь — это молот». Учебники для начальной школы на заре советской власти. 1917–1932. Сборник научных трудов

и материалов / Под ред. Т.С. Маркаровой, В.Г. Безрогова. М.: НПБ им. К.Д. Ушинского, Азимут, 2011. С. 80–111.

Казакова Т.Г. Развивайте у дошкольников творчество. М.: Просвещение, 1985.

Ковалевская С., Белозерова Е. Энтузиасты дошкольного дела // Дошкольное воспитание. 1939. № 3. С. 40–44.

Кольчев О. Стихи и песни. М.: Советский писатель, 1951.

Копейка Ю. «Всё будет хорошо!» [Интервью] // Детская литература. 1994. № 1. С. 60–65.

Красный день календаря. Стихи и рассказы о советских праздниках / Сост. И.С. Орловская. М.: Детская литература, 1974.

Лапина Е. О проведении праздника в семье // Дошкольное воспитание. 1936. № 3. С. 36–42.

Методические письма по дошкольному воспитанию. Письмо тринадцатое. Игра и труд дошкольника. М.; Л.: Гос. изд-во тип. им. Евг. Соколовой в Ленинграде, 1930.

Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / Сост. и послесловие И.С. Кона. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

Михайлова Л.И. О праздниках в детском саду // Дошкольное воспитание. 1947. № 2. С. 28–34.

Мороз А.Б. Красный угол без иконы // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: Сб. статей. М.: РГГУ, 2013. С. 117–125.

Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. С. 83–223.

Программа восьмилетней школы. Начальные классы. М.: Просвещение, 1964.

Программа по ручному труду // Школьные программы начальных классов восьмилетней школы. М.; Л.: Учпедгиз, 1957.

Программы начальной школы. М.: Наркомпрос РСФСР, 1943.

Программы начальной школы на 1954/1955 учебный год. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1954.

Программы начальной школы на 1972/1973 учебный год. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1972.

Радина Е. Революционные праздники и воспитательная работа в детском саду // Руководство для воспитателей детского сада. М.; Л.: Учпедгиз, 1945. С. 12–15.

Роджерс К., Фрейберг Дж. Свобода учиться. М.: Смысл, 2002.

Руководство для воспитателя детского сада. М.: Наркомпрос РСФСР, 1938.

Садовский М. Мамин день // Садовский М. Мамин день. М.: Детская литература, 1982. С. 4.

- Сакулина Н.* Оформление помещения детского сада в праздничные дни: Руководство для воспитателей детского сада. М.; Л.: Учпедгиз, 1945. С. 42–48.
- Синявский П.А.* Сюрприз для мамы // Наши мамы самые красивые. М.: Омега-пресс, 2008а. С. 4–5.
- Синявский П.А.* Разноцветный подарок // Наши мамы самые красивые. М.: Омега-пресс, 2008б. С. 6.
- Толстой Л.Н.* Детство // Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 1. С. 11–107.
- Упражнение 408 // Русский язык. Учеб. для 6 кл. сред. шк. / М.Т. Баранов, Л.Т. Григорян, Т.А. Ладыженская и др. Под ред. Н.М. Шанского. М.: Просвещение, 1990 [1975]. С. 156.
- Фомина Н.Н.* Искусство детей // «На фоне Пушкина воспитанное детство»: педагогика визуального в учебнике и на картине: Сб. научных трудов и материалов / Под ред. М.В. Тендряковой и В.Г. Безрогова. М.: Азимут, 2011. С. 174–186.
- Шпикалова Т.Я.* Изобразительное искусство во втором классе. М.: Просвещение, 1984.
- Экскурсия по усадьбе Л.Н. Толстого «Хамовники» // Государственный музей Л.Н. Толстого [Электронный ресурс]. <http://tolstoymuseum.ru/?option=com_content&view=category&layout=blog&id=2&Itemid=88> (дата обращения 3.03.2013).

Список информантов

- БКС — жен., 1992 г.р., Волгоград
КАА — жен., 1990 г.р., Йошкар-Ола
КНА — жен., 1956 г.р., Йошкар-Ола
КРП — жен., 1956 г.р., Йошкар-Ола
ВЕВ — жен., 1992 г.р., Нижний Тагил
ГАА — жен., 1992 г.р., Пестово
ГАА — жен., 1988 г.р., Санкт-Петербург
КНА — жен., 1993 г.р., Санкт-Петербург
ПАА — жен., 1992 г.р., Санкт-Петербург
СНС — жен., 1992 г.р., Санкт-Петербург
ТПВ — жен., 1992 г.р., Екатеринбург
ЧЛВ — жен., 1988 г.р., Йошкар-Ола